

УДК 81-42

**ВНЕЯЗЫКОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ «ГОРЫ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
I-ой ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)**

Наталья Павловна Иванова

В статье рассматриваются этапы формирования и экстралингвистические компоненты значения лингвокультуреми «горы» в русском национальном сознании на материале русской литературы первой половины XIX века.

Ключевые слова: лингвокультурема, внеязыковое значение, повторяющийся мотив

У статті розглядаються етапи формування та екстралінгвістичні компоненти значення лінгвокультуреми “гори” в російській національній свідомості на матеріалі російської літератури першої половини XIX сторіччя.

Ключові слова: лінгвокультурема, позамовне значення, мотив, що повторюється

The article it is examining the stages of formation and extra linguistic meaning components of lingual culturema «mountains» in the Russian national conscience on the material of Russian literature of the 1st half of the XIX century.

Key words: lingual culturema, extra linguistic meaning, repeating motive

Еще в конце XIX века А.А.Потебня заметил, что «пустота ближайшего значения, сравнительно с содержанием соответствующего образа и понятия, служит основанием тому, что слово называется формой мысли». Этот универсальный вывод нашел свое отражение и в современной лингвистике: в возникновении ее нового направления – лингвокультурологии.

Один из основателей данного направления – профессор В.В.Воробьев утверждает, что в этой науке «доминирующим является целостное теоретико-описательное исследование объектов как функционирующей системы культурных ценностей» [3, с.4]. Предложив понятие «лингвокультурема», ученый представляет ее как «комплексную межуровневую единицу», как «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания», как «единицу более глубокую по своей сути, чем слово». «В этом смысле лингвокультурема можно рассматривать как особый микрофрейм – блок знаний о культуре, выражаемый соответствующей формой» [3, с. 82].

В.В.Воробьев справедливо считает одним из основных источников лингвокультурем «литературные произведения как вторичные моделируемые системы, в которых нашла художественное отражение русская национальная личность» [3, с. 18].

В этом смысле заслуживающим внимания представляется восприятие человеком пейзажных образов как основных элементов национальной картины мира. Причем особенно интересно пронаблюдать, как «национальная личность» воспринимает и осваивает, осмысливает новую для нее реальность. Это происходило в России в 1-ой трети XIX века, во время освоения Кавказа: жители равнин увидели горы и море, и в условиях, когда источниками информации были только устная речь и печатное слово, особенно важно не только рассказать, как выглядят, например, горы, но и передать вызванные ими впечатления и ассоциации. Таким образом, писатели и поэты, увидевшие горы, не только передавали информацию о них, но и создавали сценарий восприятия этого образа, иными словами «микрофрейм», «лингвокультурема», формируя тем самым национальную картину мира.

В связи с этим исследователи говорят о характерном для литературы первой половины XIX века «культе ландшафта», созданном романтиками. Общественной основой такого культа является всем известное неприятие романтиками окружающей действительности и его следствие – бегство в мир природы. Причем в мир не обычной природы, а экзотической, яркой, поражающей воображение, соответствующей масштабу внутреннего мира романтического героя. Для европейских писателей-романтиков это Альпы, Италия, Альбион, для русских же – Крым и особенно Кавказ.

Таким образом, если оценивать ситуацию с позиций лингвистики, писатели первой половины XIX века старались как можно полнее и ярче эксплицировать внеязыковые компоненты значения лингвокультуреми «горы», причем делали это настолько старательно, что в 1851 году журнал «Современник» так писал о жанре кавказских повестей: «Недостаток фактических сведений обыкновенно пополнялся красотами цветистого слога, сделавшегося до того неизбежным, что одно время кавказская повесть и высокий слог были синонимами в русской литературе». Примером могут служить картины гор в повести А.А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-бек», написанной в 1832 году.

1. «Горный хребет и безграничное море придавали всей картине величие: вся природа дышала теплою жизнью» [1, с. 68].

2. «Непроторенный путь их лежал по лесам, по крутизне, ужасающим взор и дух» [1, с. 72].

3. «И в самом деле, как преlestна здесь природа!.. Глядел и не наглядился на тающие вершины Кавказа. Что за дивная прелесть облекает их венцом своим!» [1, с. 72].

Таким образом, у А.А.Бестужева-Марлинского горы связаны с величием, красотой, потрясающими, а иногда даже ужасающими человека, и гамма сверкающих цветов развивает и усиливает это впечатление: «Точно из золота, лучи солнца рисуют зубчатые силуэты вершин восточных на противоположной стене гор. Скалы блестят, еще высеребрянные дождевою влагою» [1, с. 75].

Но далеко не все так однозначно. На Кавказ высылали разжалованных, и они видели горы сквозь призму обиды и недовольства, как, например, поэт А.И. Полежаев, который в этом же, 1832, году видел горы совершенно иначе, чем Марлинский. Все эти дивные картины:

Каскады, горы и стремнины
С окаменелою душой,
Убитый горестною долей,
На них смотрю я поневоле,
И верь мне: вижу из всего
Уродство – больше ничего [6, с. 17].

Полежаев предлагает поклонникам Кавказа надеть «фраг поуже или две капли так, как мой» (то есть солдатский мундир):

Тогда судить умнее станешь,
Навек поклонись мечтам
И удивляться перестанешь
Кавказа вздорным чудесам [6, с. 17].

Итак, в данном случае горы связываются с холодом, бездушием и даже уродством, хотя причину такого восприятия, как видим, понимает и сам поэт.

Как мы знаем, драматичны и истории поездок Пушкина в Крым и - особенно - на Кавказ. Вероятно, в этом причина того, что поэт так написал о своем отношении к горам: «Я столь же равнодушно ехал мимо Казбека, как некогда плыл мимо Чатырдага». Возможно, в этом причина сдержанности пушкинских описаний. В «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» читаем, например, следующее характерное описание гор: «Дорога наша сделалась живописна. Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми» [7, с. 672]. Из подобных описаний экстралингвистические компоненты лингвокультуры «горы» практически не вычлениваются.

Однако у Пушкина в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» существует мотив величия гор, и описание Бешту служит тому подтверждением: «Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный своими вассалами, и наконец исчез во мраке» [7, с. 675].

С другой стороны, выезд Лермонтова на Кавказ – это тоже ссылка, однако в письме М. Лопухиной он пишет: «Каждое утро из своего окна смотрю на всю цепь снежных гор и на Эльборус; вот и теперь, сидя за письмом к Вам, я по временам кладу перо, чтобы взглянуть на этих великанов, так они прекрасны и величественны» [4, Т. IV, с. 435].

Таким образом, М.Ю.Лермонтов подхватывает мотив величия гор, тем самым невольно закрепляя его в национальном сознании. Вероятно, это связано с мировоззрением и системой ценностей поэта. М.Н. Эпштейн в связи с этим говорит о том, что «высота как основной пространственный и ценностный ориентир предопределила приверженность поэта природе Кавказа» [9, с. 218]. Об этом пишет и сам Лермонтов: «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе» [4, Т. I, с. 313].

Вычлениется из лермонтовских горных пейзажей и следующий внеязыковой компонент: постоянство, незабываемость, вечность гор. В стихотворениях и поэмах этого автора повторяется мотив ненарушимости покоя гор. Более того, горы названы им связующим звеном между человеком и Богом.

В качестве одного из повторяющихся мотивов романа «Герой нашего времени» В.М.Маркович выделяет также мотив веселья. Ключевым в раскрытии этого мотива является первый пейзаж «Княжны Мери»: «Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо синее, - чего бы, кажется, больше? – зачем тут страсти, желанья, сожаления?» [1, Т. IV, с. 61]. В.М. Маркович считает, что «кроме духовной свободы, здесь важна близость к природе, а рядом – напоминание о том, что все эти переживания сродни миру детства, с которым у Лермонтова всегда ассоциируется представление о «потерянном рае» - о первоначальной чистоте и гармонии человеческой жизни» [2, с. 292]. И это действительно так. Причем описанные переживания у Лермонтова связаны с горами, так как почти такое же восприятие этого горного мира мы видим в прозаическом отрывке

«Синие горы Кавказа, приветствую вас!»: «Воздух там чист, как молитва ребенка. И люди, как вольные птицы, живут беззаботно».

Теперь нам гораздо ближе и понятнее лирическое описание-рассуждение, которое мы встречаем в «Бэле»: «Тихо все было на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы... Казалось, дорога вела в небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и, наконец, пропадала в облаке; воздух становился так редок, что было больно дышать, но со всем тем какое-то отрадное чувство распространилось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром, - чувство детское, не спору, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми: все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такою, какою была некогда и, верно, будет когда-нибудь опять» [4, Т. IV, с. 27].

Лингвокультурема «горы» имеет также такое внеязыковое значение, как освобождение от будничности, повседневной суеты и условностей окружающего мира, подъем над ними, возвращение к первичному, изначальному, данному Богом состоянию души. Действительно, с горами связан мотив, который соединяется с мотивом веселья: это осознание того, что существует нечто высшее, рядом с которым людская суета так незначительна и бессмысленна. И еще одно подтверждение этого – строчки «Валерика», перекликающиеся с уже приведенным началом «Княжны Мери»:

А там, вдали, грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
Я думал: «Жалкий человек,
Чего он хочет!.. Небо ясно,
Под небом места хватит всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?» [4, Т. I, с. 43].

В.М. Маркович говорит также о присутствии мотива веселья в песне Казбича:

Много красавиц в ауле у нас,
Звезды сияют во мраке из глаз,
Сладко любить их, завидная доля,
Но веселей молодецкая воля [4; IV; с. 18].

«Здесь отзвуки «вершинного», метафизического значения: “молодецкая воля» – одна из форм, приближающих к высшему состоянию, к освобождению от оков наличного бытия; наслаждение, напротив, - как сила, удерживающая в рабстве» [5, с. 294]. Здесь есть трагичный оттенок: теряют смысл привычные человеческие связи, но взамен приобретает свобода. Не это ли один из главных мотивов поступков Печорина? И тогда новый оттенок значения приобретают строчки из его дневника. Так, сразу же после свидания с Верой Печорин напишет: «Возвратясь домой, я сел верхом и поскакал в степь... Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде кудрявых гор, озаренных южным солнцем, при виде голубого неба, или внимая шуму потока, падающего с утеса на утес» [4, Т. IV, с. 79].

Таким образом, горы самоценны: они обладают высшей ценностью, по сравнению с которой меркнет даже значение такого всеми признанного жизненного ориентира, как любовь.

Что это, если не выраженная в слове единая система взглядов на мир, природу, горы и человека?

Итак, писатели и поэты 1-ой трети XIX века сформировали в русской национальной картине мира уникальный образ – образ гор, вольно или невольно наделив его при этом интереснейшим спектром внеязыковых значений указанной лингвокультуры. Как справедливо заметил К. Хорват, «романтический культ гор принес нечто большее, чем простое описание этих величественных картин: высокие скалы, возвышающиеся над облаками, стали символом романтического восприятия возвышенного» [8, с. 219].

Литература:

1. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинения. – М., 1981. – 230 с.
2. Ванслов В.В. Эстетика романтизма. – М., 1966. – 306 с.
3. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М., 1997. – 247 с.
4. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4-х томах. – М., 1976.
5. Маркович В.М. О лирико-символическом начале в романе Лермонтова «Герой нашего времени» // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. – М., 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 291-303.
6. Обручев С.В. Над тетрадами Лермонтова. – М., 1965. -138с.
7. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10-ти томах. – М., 1964. – Т. 6. – С. 639-702.
8. Хорват К. Романтические воззрения на природу // Европейский романтизм. – М., 1973. – С. 204-253.
9. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной. – М., 1990. – 214 с.